О. В. Гладкова

ОБРАЗ ДРЕВНЕЙ РУСИ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В издающейся ныне в России современной детской литературе тема исторического прошлого занимает значительное место, что является показателем устойчивого читательского интереса. Вал зачастую достаточно аляповато иллюстрированных детских книг, изображающих события русской старины, буквально захлестывает книжные прилавки. В этом море литературы сориентироваться непросто, тем более что на книжный рынок выбрасывается все больше и больше литературной продукции[1].

В целом, художественный уровень исторических произведений, наводнивших книжный рынок, за редким исключением, невысок[2]. Мы не говорим о том, что русская литературная и научно-популярная традиция, обращенная к детской аудитории (О. Ишимова, С. Алексеев, Н. Кончаловская, С. Голицын и др.), должна быть заменена современными изданиями, что вовсе не нужно, но хотелось бы, чтобы современные авторы были бы по крайней мере не хуже своих предшественников.

Наш обзор будет посвящен образу Древней Руси в современной литературе для детей, иными словами, нас будет интересовать, какие исторические деятели Древней Руси наиболее популярны в современных детских книгах и какими их изображают авторы, какие эпохи и события привлекают современных читателей и писателей в далеком прошлом нашей Родины и каким образом они интерпретируются в книгах для детей и подростков.

* * *

В жанровом отношении современная детская историческая литература[3] представляет собой достаточно разнообразную картину. Так, можно выделить биографии деятелей русской истории с элементами беллетристики, исторические повести, литературные сказки, романы- и повести-«фэнтези», па-

родии на «фэнтези», пересказы-адаптации и переложения для детей произведений оригинальной и переводной древнерусской литературы.

К примеру, целый ряд беллетризованных биографий деятелей русской истории представлен в сборнике Н. Алеевой «Герои русской истории»[4], правда, «биографии» у Н. Алеевой неполны и достаточно тенденциозны по отбору и оценке исторических фактов. Художественная логика «биографий» Н. Алеевой своеобразна и приводит к искажениям реального хода событий. Приведем в качестве примера начало рассказа «Петр Великий»: «Петр I был четырнадцатым ребенком в семье. Его детские комнаты были сплошь обтянуты красным сукном (какая связь между сообщением о том, каким по счету ребенком был Петр, и отделкой его комнат? – *О. Г.*), но тогда еще никто не подозревал, как много крови прольет будущий государь.

Немного повзрослев, забросил он деревянных лошадок и обратил свой взор на военные забавы. Вместо взятия снежных крепостей Петр задумал построить город на месте гиблых болот (получается, что строительство города – военные забавы? И возведение Петербурга Петр задумал в детские годы «вместо взятия снежных крепостей»? О других причинах для основания города Н. Алеева не рассказывает. – *О. Г.*). В тяжких людских муках поднимался из топей Петербург. До сих пор называют его городом, построенным на костях.

Но не только государственными делами (из «государственных дел» пока названо только строительство Петербурга, да и оно оценено как жестокое (кто бы спорил!) и ненужное. – *О. Г.*) занимался молодой царь. Много времени проводил он в кутежах и недобрых забавах.

Однажды Петр на полном скаку въехал на крыльцо и зашиб собаку своего любимого шута Балакирева.

– Полно тебе, государь, куражиться, – рассердился шут, – смотри, как бы душу не прокутить.

Хотел было Петр здесь же Балакирева отодрать, да сдержался: на шута обижаться – свои ошибки признавать». Сюжет о собаке шута Балакирева, как можно заметить, занимает в повествовании несравнимо больше места, чем строительство Петербурга. И т. д.

В оценке Петра, Н. Алеева, видимо, пытается продолжить традицию Д.С. Мережковского и раннего А.Н. Толстого. Далее – описание припадков Петра («Он хотел помолиться, но не смог, потому что для этого нужна кротость» (с. 19–20)); рас-

сказ о заключении в Англии договора о ввозе табака (при этом о русских людях: «Я их переделаю на свой лад, когда вернусь домой»), сетования автора на «безвременную кончину» петровских начинаний (Санкт-Петербургская академия «не оправдала себя», «через несколько десятилетий в ней осталось всего два студента»; после смерти Петра «его победоносные корабли пришли в негодность и сгнили в доках»); выпячивание действительно нелицеприятных фактов и легенд, складывавшихся еще при жизни императора, – принуждение Петром своих спутников в лейпцигском анатомическом театре «зубами доставать сухожилия из мертвых тел»; удар по лицу Меншикова на ассамблее за то, что не снял шпагу. Жизнь такого «грешника», по Н. Алеевой, должна была завершиться покаянием или, по крайней мере, угрызениями совести, что и происходит в результате встречи с неким богобоязненным старцем (вспоминаются 24 человека, погубленные на потешных стрельбищах, стрелецкие казни). Биография Петра завершается в той же минорной тональности рассказом о спасении солдат в устье Невы, о тяжелой кончине императора и неясности его завещания.

Н. Алеева не просто приводит исторические факты, она вершит суд над историческими лицами с позиции православного христианства, поэтому в ее повествовании часто появляются видения неких божьих людей (прием, весьма популярный у некоторых современных авторов), вещающих «правду», укоряющих правителя за нехристианское поведение, сцены раскаяния героев, у которых вдруг «пробуждается» совесть и т. д. Таким образом Алеева выражает осуждение или одобрение тому или иному историческому деятелю.

Исторические повести – пожалуй, самая многочисленная жанровая группа исторических сочинений. Среди них можно выделить произведения, рассказывающие о реальных исторических лицах, и исторические повести и романы с главными героями – вымышленными персонажами.

Из первых назовем повести А. М. Ранчина «Борис и Глеб»[5] – исторически выверенное повествование о жизни и смерти первых русских святых; Л. Е. Нечаева «Повесть о преподобном Сергии Радонежском»[6] – спокойный рассказ православного автора, основанный на фактах Жития Сергия Радонежского, а также повести А. Я. Толстикова «Государь всея Руси Иван III»[7], Ю. А. Крутогорова «Юрий Долгорукий»[8] и «Петр I»[9], и др. Повесть Ю. А. Крутогорова «Петр I» написана в традициях романа А. Н. Толстого «Петр I», но не пересказывает роман, а по-

своему и отчасти даже на других фактах по сравнению с романом рисует этот сложный исторический образ. На добротной источниковедческой базе построен сборник повестей «Рассказы о православных святых», о котором мы еще скажем[10].

В исторических повестях, а также в повестях и романах-«фэнтези» с главными героями – вымышленными персонажами повествование может развиваться как в прошлом, так и параллельно в прошлом и настоящем. К примеру, повесть А.М. Волкова «Царьградская пленница»[11] рассказывает об эпохе Ярослава Мудрого, герои Волкова – две семьи – рыбака Стоюна и киевского оружейника Пересвета. Сюжет повести строится на поиске детьми матери, угнанной в плен половцами и проданной в рабство в Царьград.

В романе-«фэнтези» Е.П. Чудиновой «Ларец»[12] повествование развивается в двух основных временных планах, разделенных двумя веками. Основная сюжетная линия разворачивается в XVIII в.: три девочки, принадлежащие разным социальным слоям, – дворянка Нелли Сабурова, крестьянка, а может быть и цыганка, Катя и дворовая девчушка-ведунья[13] Параша отправляются на поиски странного человека, доведшего до самоубийства брата Нелли Ореста. В параллель линии главной героини Нелли Сабуровой развивается сюжет о пострижении Соломонии Сабуровой и о чудесном рождении «природного государя» Георгия. В конце концов обе линии сливаются в общем повествовании.

В двух планах – в далеком прошлом и настоящем происходит действие в повестях С. Ананич «Необыкновенное путешествие “полководца” Сеньки: Рассказ для детей о святом Илии Муромце»[14]; Т. Шороховой «Поход на Корсунь»[15]; в цикле В.И. Малова «Царские книги»[16]. В повестях В.И. Малова действуют герои-школьники. Двое из них живут в 90-х гг. XX в., а двое живут в далеком XXIII в. Тем не менее ребятам удалось подружиться, и время от времени они вместе участвуют в различных приключениях. К исторической тематике автор обращается в третьей повести цикла – «Царские книги». Современные ребята Костя и Петр помогают своим друзьям из будущего Златко и Бренку выполнить «практикум по спасению библиотеки Ивана Грозного», которую хотят увезти с земли некие «звездные коллекционеры». С помощью фантастических приспособлений ребята переносятся в май 1571 г. В повести перечисляются события, в гущу которых попадают герои: «В 1571 году войска крымского хана Девлет-Гирея сожгли де-

ревянные посады Москвы... уцелел только каменный Кремль. Царь Иван Грозный в это время был в Серпухове. В пожаре сгорел и царский Опричный дворец, построенный за пределами Кремля, примерно там, где... стоит Дом Пашкова. А еще 1571 год примечателен тем, что именно тогда Землю посетила некая космическая экспедиция» (с. 162–163). Библиотека Грозного оказывается в центре невероятных событий: «Каждый, кто должен выполнить практикум по спасению библиотеки Ивана Грозного, заново отправляется в определенный момент дня 23 мая 1571 г. И начинает самостоятельные действия по спасению книг, которые иначе в определенный момент следующего дня погибнут в пожаре Опричного дворца.

С минуту Костя и Петр и так и эдак взвешивали открывшуюся им потрясающую истину.

– Да, – медленно произнес потом Костя, – так, вроде бы, действительно может быть. Ну, а если кто и в самом деле не спасет библиотеку?

– Практикум ему не зачтут, – поморщился Бренк. – Еще раз придется сдавать.

– Но книги-то сгорели! – с отчаянием вскричал Костя, чувствуя, что истина опять ускользает от него.

– Книги не могут пропасть, ведь это огромная ценность, ты сам их видел, – наставительно молвил Бренк. – Если чего у кого не получилось, книги автоматически выдергиваются из шестнадцатого века в самый последний момент и переправляются к нам. Кажется, вот-вот они улетят с Земли или сгорят, ан нет! Этот хроноперенос в постоянной готовности, действует безотказно» (с. 233–234). Однако, рисуя захватывающие подробности прохождения «практикума», писатель ни разу по-настоящему не обмолвился о возможном содержании библиотеки и фактически даже не объяснил, в чем ее ценность и почему ее, собственно, надо спасать, видимо, понадеялся на то, что это всем известно? Весьма немногословно описал он историческую обстановку. Конечно, на все воля автора, но познавательности, да и выразительности это книге не прибавило.

Пример литературной сказки, где появляются герои русского фольклора, являет собой «сказочка» Н. Кузнецовой «Илья Муромец в XXI веке...»[17]. В политически и полемически заостренном сочинении Н. Кузнецовой рассказывается, как Илья Муромец попадает в современную Россию и ужасается тем изменениям, которые там произошли. С трудом он находит своих друзей-богатырей Алешу Поповича и Добрыню Ни-

китича. Оказывается, все российские беды объясняются тем, что «нынче христианство в России подорвано, ибо сами люди русские польстились на все иноземное, а все родное, кровное, да веру предков своих позабыли. ...живет в Америке, стране заморской, главный супермен – ловкость Джекки (так! – *О. Г.*) Чана, хитрость Джеймса Бонда, силушка Шварценеггера могучего. И задумал тот супермен всю Россиюшку под себя прогнуть, потому и послал на Русь, нашу матушку родную, двух любимых дружков своих... одного из них, Бондом прозываемого, а второй супермен живет в Питере» (с. 296). В конце концов все кончается полной победой богатырей, в результате которой из России «бежали... и Бонд, и Супербой и носа сюда показать уже не смели» (с. 328–329). Было побеждено пьянство (заменено на чае- и кефиропитие), и «публичный дом имени Джеймса Бонда навсегда перестал существовать даже в памяти людей». Зачем вообще этот сюжет (в публичный дом имени Джеймса Бонда попадает Василиса Премудрая) появляется в детской книге, непонятно.

Романтическая «историческая сказка» Е. П. Чудиновой «Гардарика» построена в форме воспоминаний некоего «Вéдовского князя» Владимира, который рассказывает сыну о своей молодости. Чтобы сохранить свой престол и свое княжество, будучи христианином, Владимир не отказывается от помощи волхва; кроме того, он обретает друга в лице Эдварда, изгнанного из Англии сына короля Эдмунда, очаровывается Анной Ярославной. «Гардарика» по-своему интерпретирует события и судьбы некоторых реальных и вымышленых лиц из русской и европейской правящей элиты эпохи Ярослава Мудрого. Скорее всего, образ ведовского князя Владимира, умеющего обратиться птицей, был навеян знаменитым образом князя-оборотня Всеслава Полоцкого, недаром на страницах «Гардарики» возникает перифраз из «Слова о полку Игореве»:

«Волхв смотрел на меня:

– Ты – христианин, Владимир... Горек мне этот день. Почему волшебное волхование не увлекло тебя, скажи? Разве не чудесно парить орлом и рыскать зверем? Разве не чудесно зреть тайное?

– У меня захватывает дух, стоит мне вспомнить восторг полета... Но муки Того, Кто был распят на кресте, дороже мне, и любовью к Нему полно мое сердце, – твердо ответил я»[18].

В романах или повестях-«фэнтези» иногда используются некоторые сюжеты древнерусской литературы, в том числе и

международные. Так, например, А.Г. Больных в своем романе «Золотые крылья дракона»[19] прибегает к международному сюжету о спасении девицы от дракона, известному по древнерусскому переводному «Чуде о Георгии и змие» и по «Повести о Петре и Февронии». Возможно, у Больных этот мотив возник и под влиянием «Гарри Поттера», который породил в нашей детской литературе целый сонм эпигонов и пародий[20]. Впрочем, в вышеназванной «сказочке» Н. Кузнецовой предпринимается попытка «обезвредить» Гарри Поттера, адаптировать его в русской среде и примирить с русскими богатырями: «Гарри Поттер вернулся к себе, магию свою совсем забросил, женился на магл-бабе, у них появились поттерики и поттерши. А ученики его, дети русские, позабыли про Америку, навсегда остались в России-матушке»[21].

Роман-«фэнтези» Ольги Озерцовой «Веснянка»[22] рассказывает о языческом прошлом Древней Руси, другой ее роман «Ступени, или другая сторона тайны»[23] «свивает» разные эпохи и культуры, в том числе и древнерусскую. Основная сюжетная линия романа «Ступени» посвящена судьбе минойской жрицы, «предчувствующей» появление Христа, героем одного из временных пластов является некий древнерусский воин, который под влиянием услышанных строк Омира-Гомера создает «Слово о погибели Русской земли».

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает пародия на фэнтези, или, по определению самих авторов, «сайнс фикшен-пародия + сказка»[24], «фэнтези на основе русского фольклора»[25] Ю.С. Буркина и С.В. Лукьяненко «Остров Русь», о котором речь впереди[26].

В отдельную группу можно выделить многочисленные пересказы-адаптации для детей произведений оригинальной и переводной славяно-русской агиографии (Ковалева Л. «Святой Герасим и лев»[27]; целый агиографический цикл Н. Скоробогатько: «Святой великомученик и Победоносец Георгий»[28], «Преподобный Сергий Радонежский»[29], «Святая Параскева Пятница»[30], «Предивный чудотворец святитель Николай»[31], «Святая благоверная княгиня Анна Кашинская»[32]; сходный по своему назначению и исполнению цикл Н.Е. Сухининой: «Место встречи Иерусалим»[33], «Прокопий Праведный»[34], «Святой Герасим и лев»[35], «Святой Нил Столобенский»[36]; анонимная притча «Преподобный Герасим и лев»[37] и т. д.).

Любопытен отбор (или даже набор) героев в детской литературе исторической тематики. Необычайно популярны три

русских богатыря – Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович, среди женских персонажей «лидирует» Василиса Прекрасная[38]. Силы зла представляют Змей Горыныч, Баба Яга[39] и Кощей Бессмертный[40].

Из реальных исторических персонажей чаще всего внимание авторов привлекают государственные деятели и святые – князья Владимир Святославич, Креститель Руси, канонизированный Русской Церковью[41], Ярослав Мудрый[42], первые русские святые-князья Борис и Глеб[43], Иван III[44] и первый русский император Петр I[45]. Хотя на страницах исторических произведений можно увидеть и других русских князей – Святослава[46], Юрия Долгорукого[47], Игоря Новгород-Северского – героя «Слова о полку Игореве»[48], Ивана Грозного[49], причисленных к лику святых княгиню Ольгу[50] и князей Александра Невского[51], Довмонта Псковского[52], Дмитрия Донского[53] и др. Обширна литература о русских святых – ее героями, как отчасти уже говорилось выше, стали Антоний Римлянин[54], Сергий и Герман Валаамские[55], Сергий Радонежский[56], Анна Кашинская[57], Петр и Феврония[58], Кирилл Белозерский[59], Кирилл Новоезерский[60], митрополит Макарий[61], Василий Блаженный[62] Прокопий Устюжский[63], Нил Столобенский[64] и др.

Гораздо реже авторы вспоминают деятелей русской культуры, как правило, это эпизодические персонажи – летописец и агиограф Нестор[65]; митрополит Иларион, автор «Слова о Законе и Благодати»[66]; Владимир Мономах, князь-писатель, автор «Поучения», и Даниил Заточник[67]; безымянный автор «Слова о погибели Русской земли»[68]; автор «Послания на Угру» Вассиан Рыло[69]; Симеон Полоцкий[70].

Как уже можно было заметить, чаще всего писатели обращаются к эпохе начального христианства на Руси[71]. Однако не остаются без внимания и другие исторические периоды и события – дохристианское язычество[72]; основание Москвы[73]; стригольники, правление Иоанна III и Василия III[74]; время Ивана Грозного[75]; переломный период Петровских преобразований[76] и др.

По-разному подходят авторы к воссозданию исторической реальности – исторических ландшафтов, обрядов, бытовых реалий, оружия. Наиболее точна и «панорамна» в этом плане историческая повесть А. М. Волкова «Царьградская пленница», читатель видит жизнь древнего Киева, эпохи Ярослава Мудрого, Царьграда, проходит днепровские пороги и обороняется от печенегов вместе с новгородскими «гостями». Вол-

ков точен и в описании деталей, будь то быт киевского рыбака или оружейника, или же жизнь богатого ювелира-грека в Константинополе, и в описании исторических событий, природных ландшафтов. Чувствуется глубокое знание материала, в первую очередь летописного.

Однако авторы, пишущие на исторические темы, далеко не всегда утруждают себя воссозданием соответствующего окружения для своих героев, поражает безликость обстановки, в которой действуют исторические персонажи. На этом блеклом фоне выделяется попытка создания поэтического образа Древней Руси, где немалую роль играет исторический ландшафт, в начале повести Татьяны Шороховой. Образность Шороховой навеяна, по всей вероятности, «Словом о погибели Русской земли»:

«Русь! Россия! Матушка!

Небо над тобой – не измерить. Землю твою – не обойти. Родники твои – не испить. Цветы твои не перевить в венки.

Зорями ты изукрашена да радугами. Птицами ты опета да свирелями. Молодцами ты богата да девицами. Да детишками малыми счастлива.

Храмами ты белыми увенчана. Крестами золотыми ты означена. Колокольным звоном ты утешена» (с. 7) и т. д.[77]

Этого же автора отличает внимание к бытовым и военным реалиям древнерусской жизни. С успехом и, самое главное, в меру прибегает Т. Шорохова к языковой стилизации: ее повествование часто строится с помощью былинных, сказовых или летописных синтаксических конструкций; посредством введения в повествование древнерусской лексики, военной, юридической терминологии и т. д.: «В ***гриднице*** *княжеской* для верной ***дружины*** *да* дорогих гостей *стол дубовый* стоит и *скамьи широкие*» (с. 8)[78]. Стремление нарисовать Древнюю Русь с помощью языковой стилизации и специфических языковых средств отметим также у Е. П. Чудиновой («Гардарика», «Ларец») и А. М. Ранчина («Борис и Глеб»). Необходимость поиска какихто стилистических решений, сообразных тематике, осознают, видимо, все авторы, но зачастую это выливается в создание произведений на каком-то искусственном, «сусальном» языке с массой псевдо-былинных оборотов, неоправданных инверсий, уменьшительно-ласкательных суффиксов. Так, полное величественной тайны дарование Св. Сергию-Варфоломею «разума Святого писаниа»[79] в сочинении Н. Скоробогатько заменяется какой-то слащавой сценой:

«...старец вынул из-за пазухи аккуратно завернутую святую просфору и сказал:

– На вот, чадушко, съешь святыньку Божию! Господь тебе через нее пошлет благодать, чтоб ты сам мог Святое Писание читать. Ну, с Богом! Прощай, дитятко, Господь с тобой!»[80] Для сравнения приведем древний текст Жития:

«Старец... иземь от чпага (мошны) своего акы нѣкое съкровище, и оттуду треми пръсты подасть ему нѣчто образом акы анафору, видѣнием акы малъ кусъ бѣла хлѣба пшенична, еже от святыя просфиры, рекь ему: “Зини (отвори) усты своими, чадо, и развръзи а. Приими сие и снѣжь, се тебѣ дается знамение благодати божиа и разума Святого писаниа. Аще бо и мало видится даемое, но велика сладость вкушениа его”»[81].

Е. Перехвальская, описывая явление старца Варфоломею, почему-то избегает важнейшего здесь мотива принятия хлеба из рук старца, а также мотива «разума Святого писаниа», заметно упрощая суть события, убирая ряд деталей, но зато хотя бы «не переслащивая» его: «старец мудрого вида»[82] молится за мальчика и обещает ему: «Не печалься. Господь даст тебе разумение грамоты, и ты превзойдешь успехами братьев и сверстников твоих»[83].

Явно тенденциозна в выборе исторических деталей Н. Алеева: «красное сукно» в детских комнатах Петра I символизирует потоки крови, которые прольет будущий государь, для созидательной же деятельности Петра у Н. Алеевой не находится ни доброго слова, ни тем более подходящих символов.

Конечно, не всегда обычный читатель задается вопросом об источниках, которыми руководствовался тот или иной автор. Но по ряду признаков более или менее подготовленный человек может понять, что писатели, пишущие о Древней Руси, редко опираются непосредственно на древнерусские тексты (летописи, жития и т. д.), а также на научные труды филологов, историков, фольклористов и т. д. Авторов, серьезно подошедших к своему труду, можно определить сразу – Волков А. М. «Царьградская пленница»; Шорохова Т. «Поход на Корсунь»; Ранчин А. М. «Борис и Глеб»; Чудинова Е. П. «Ларец»[84] и «Гардарика»; Озерцова О. «Веснянка», сборник «Рассказы о православных святых». В конце романа Озерцовой – перечень источников и подробные примечания, в то же время «Веснянку», по признанию самой писательницы, не следует воспринимать как научный труд, поскольку подлинные фольклорные записи перемежаются там со стилизациями самой Озерцовой. За псев-

донимом «Ольга Озерцова» скрывается филолог-медиевист О.М. Анисимова, для которой тема Древней Руси отнюдь не является случайной. Достаточно внимательны, что понятно, к древним сюжетам авторы переложений древнерусских переводных и оригинальных житий: «агиографические циклы» Н. Скоробогатько, Н.Е. Сухининой и под. В то же время весьма спорную «адаптацию» «Слова о полку Игореве» для детей предлагает Е.А. Беляков, хотя он, судя по всему, опирается на текст самого произведения (или все же его перевод?)[85].

Заметим, что многие произведения совмещают в себе невысокий художественный уровень и откровенное невежество, впрочем, не о них сейчас речь.

Как уже можно было увидеть, произведения детской литературы разнятся по своей идеологической направленности, по оценке того или иного явления исторической реальности. Зачастую писатели активно, эмоционально, но не всегда объективно судят своих героев-исторических деятелей, противопоставляют прошлое и настоящее.

Для ряда авторов прошлое, где все упорядочено, просто и благообразно, – недосягаемый и потерянный идеал. «Золотой век» может быть отнесен как в давние времена языческой Руси (Озерцова О. «Веснянка»), так и в послепетровские годы (Алеева Н. «Герои русской истории»). Между этими произведениями есть принципиальная разница: если Ольга Озерцова создает романтический поэтический образ, вызывающий в памяти «Снегурочку» А.Н. Островского, и как ученый-медиевист вряд ли верит в «страну Беловодию», Н. Алеева, противопоставляя Елизавету Петровну Петру I, отстаивает определенную политическую позицию (на что имеет полное право, так же как и читатель, который имеет полное право с этой позицией не согласиться), рисуя первого русского императора исключительно черной краской.

Положительная или отрицательная оценка исторического деятеля выносится в книгах авторов-славянофилов на основании его отношения к Западу и Православию; соответственно тот, кто не знает своей истории (в ее специфически-благостном варианте), не отвергает опыт других стран и является атеистом, – в худшем случае враг своей страны, в лучшем – бездумный приверженец западных, в противовес отечественным, ценностей (Н. Кузнецова «Илья Муромец в XXI веке»[86]). По перечисленным признакам самый отрицательный персонаж русской истории, по Н. Алеевой, если не считать Ива-

на Грозного, – Петр I, создание его исторического портрета, как уже было сказано, отличается большой тенденциозностью, что, правда, отчасти компенсируется научным комментарием А. В. Маньковского. Комментарий таким образом приходит в противоречие с основным повествованием[87]. Показателен подзаголовок книги Алеевой, напечатанный в выходных данных книги на последней странице (забыли снять?), но почему-то опущенный вначале: «Увлекательные рассказы о противоречивых героях (персонажах) русской истории: о тех, кто чтил христианские заповеди, и о тех, кто отвергал их». Не самым лучшим образом порой оценивается Петр I и в романе Е. П. Чудиновой «Ларец», в котором отстаивается «гоголевский» идеал благоустройства России, чуждый, видимо, какому бы то ни было реформаторству: православные совестливые помещики и преданные им благодарные крестьяне.

У некоторых авторов идеализация прошлого совмещается с идеализацией исторического лица – идеального правителя, полководца, народного героя и т. д.[88]. Понятно, что для православных писателей идеалом становится святой, фактически герой современного жития, создаваемого по мотивам жития средневекового[89].

Реже, но все же встречаются попытки во всей полноте оценить исторический образ или событие, показать сложность исторических характеров и исторического процесса (в русской литературе эта традиция заложена еще, как известно, А. С. Пушкиным, в советской литературе продолжена А. Н. Толстым) – такую попытку можем отметить, в первую очередь, у А. М. Волкова, А. М. Ранчина и у Е. П. Чудиновой. Князь Ярослав Мудрый в повести А. М. Волкова «Царьградская пленница» – эпизодическое лицо, однако автор не упрощает своего героя; князь Волкова, в соответствии с историческими фактами, с одной стороны, – книжник и полиглот, ценящий образованность в людях, с другой стороны, он – жестокий правитель. Сходным образом, но совсем в другой стилистике решает образ Ярослава Мудрого Е. П. Чудинова в «исторической сказке» «Гардарика»: ее Ярослав – это образованнейший государственный муж «могучей воли», который вершит государственное дело, не считаясь с судьбами других, даже близких ему людей. Лейтмотив сказки – «князья живут не для себя», и судьба Анны Ярославны, впрочем, как и других дочерей Ярослава, ложится в основание великого государственного замысла князя.

Так же избегает одномерности при создании образа Владимира Святославича в своей повести «Борис и Глеб» А. М. Ранчин, хотя большинство авторов, описывающих Владимира, возможно, даже незаметно для самих себя, слепо следуют летописи и вообще древнерусской традиции, в которой Владимир до крещения – отрицательный персонаж, после крещения – сугубо положительный. Такое превращение зачастую объясняется авторами предельно просто:

«В тот день князь Владимир не помешал жителям Киева убить двух ни в чем не виноватых людей (речь идет об убийстве варягов-христиан, отца и сына. – *О. Г.*). А ведь мог бы встать на защиту вместе со своей богатырской дружиной. ... Но был князь Владимир язычником и считал, что приносить в жертву людей – обычное дело.

Однако с того дня что-то в нем переменилось. Печальны стали его глаза, задумчиво лицо.

И постепенно понял он, как правы были старик с юношей»[90]. Далее автор вспоминает и о бабке-христианке княгине Ольге, рассказывает вкратце о выборе вер Владимиром, более подробно освещает события Корсунской легенды, но суть перемены во Владимире (и насколько велика она была на самом деле?) остается выраженной фактически в одной фразе: «И постепенно понял он...» Почему вдруг князь-язычник «понял» правду христиан, почему вдруг по-другому взглянул на человеческие жертвоприношения, этого авторы не объясняют. Кстати говоря, принятие Владимиром крещения вследствие осознания им бесчеловечности содеянного над отцом и сыном-христианами – общее место у современных авторов. Причинно-следственная связь между жертвоприношением и принятием Владимиром решения о крещении в данном случае является на самом деле известным допущением, поскольку в летописи эти события впрямую не связываются[91].

Так же просто решается вопрос о крещении киевлян: «– Ничего, перетерпим, успокаивали друг друга горожане, – может, новая вера и не так плоха, раз ее приняли великий князь и бояре»[92]. Фактически автор ограничивается здесь версией «Повести временных лет», в которой приводится реплика горожан: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли»[93]. Но то, что на самом деле все было гораздо сложнее и не столь благостно, современные авторы предпочитают не писать. Вообще, некритическое отношение к первоисточнику, неумение прочесть его характерно для многих

авторов. В результате «идеальную правду» (П. Бицилли) жития они принимают за правду жизни, а в этом случае писать о Древней Руси – это все равно что описывать советскую действительность по классическим советским фильмам. Впрочем, идеализация древности, старины характерна, наверное, для всех народов.

* * *

Во многом как следствие стремления к идеализации прошлого на страницах ряда произведений возникают утопии, отправной точкой для которых, строительным материалом становятся какие-то факты русской истории, фольклора, литературы.

О. Озерцова, как уже говорилось, поэтически изображает дохристианскую Русь, некое благословенное селение Ярилину весь, где в гармонии с природой живут добрые и справедливые люди. По признанию самой Озерцовой-Анисимовой в предисловии к роману, «поводом к описанию “Ярилиной веси” послужили также бытовавшие в фольклоре многих народов сказки и предания о некоей счастливой стране или острове, где люди добры, живут в мире без войн и обладают изначальной человеческой мудростью. Возможно, о подобном крае упоминается и в древнерусской “Александрии” XII–XIII вв. В повести рассказывается, как Александр Македонский, пройдя всю ойкумену, нашел счастливую страну нагомудрецов, которую, единственную из всех, не пытался завоевывать, и повернул назад. Среди русских старообрядцев существовало предание о стране Беловодье (Белый Остров, Белый Источник), где люди живут по справедливости, обладают высшим знанием и мудростью»[94]. Однако люди Ярилиной веси недолго выдерживают в противостоянии со злом, и их добрый мир рушится, а природа перестает быть к ним благосклонной. Так заканчивается «золотой век».

Интересно, что не одна Ольга Озерцова находит основание для своей утопии в далеком прошлом. Два наиболее интересных произведения из нашей подборки – «Остров Русь» Ю.С. Буркина и С.В. Лукьяненко и «Ларец» Е.П. Чудиновой – рисуют некие утопические социумы, вдохновляясь далеким прошлым. При этом нетрудно заметить, что авторы стоят на противоположных идеологических позициях.

Для Е.П. Чудиновой, видимо, социальным, государственным идеалом является нарисованная ею «Белая Крепость».

«Белая Крепость» – это затерянный за далекой Катунью вблизи Китая небольшой город-государство, основанное чудесно рожденным и чудесно спасшимся «истинным» государем Георгием, сыном Соломонии Сабуровой. Государство этнически чистое, управляется Рюриковичами, однако вынуждено обороняться не только от реального внешнего мира, но и от... нечистой силы. «Белая Крепость» тесно застроена уютными теремами с элементами восточной роскоши, идущей из Китая. С Россией «Белая Крепость» не общается (иначе, понятно, все это благолепие развалится), если не считать тайных вылазок отдельных представителей этого города-государства на большую землю с целью борьбы с нечистой силой. Так автор романа представляет читателям на своих страницах борьбу добра и зла в пределах Государства Российского.

Е. П. Чудинова обращается в своем романе к таким событиям русской истории, которые не часто, а может, быть, и совсем не привлекали детских писателей – конец правления Иоанна III[95], возникновение ересей (стригольники-жидовствующие)[96]; как уже было сказано, в «Ларце» прослеживается судьба Соломонии Сабуровой. Помимо этого, по роману проходит легкая тень пугачевщины – как страшной угрозы помещичьему благополучию и жизни маленькой героини – Нелли Сабуровой[97], в которой явно угадываются черты самой писательницы. В романе Чудиновой события реальной истории причудливо переплетаются с фантазией. В то же время роман назидателен, и главное в нем, как отмечено в аннотации, не история и не приключения, а совсем другое – «это тайна дружбы Бога и человека и то, как мы находим Бога, а Он нас».

Апеллируя к истории, Чудинова объясняет причины наших несчастий: Русь фактически погубил Василий III, нарушивший христианские заповеди, – так мы лишились «природного государя» и настоящего «православного царства» и т. д., не будь этого, сейчас бы жили как в Белой Крепости, под началом какого-нибудь истинного Рюриковича, доброго и справедливого. А тут еще вмешались масоны, материалисты...

Ю. С. Буркин и С. В. Лукьяненко также рисуют некую обособленную страну под названием «Остров Русь». Почему это «остров», и где он находится, читатель узнает лишь в конце повести, составляющей вторую часть этой «развеселой и разудалой», как сказано в аннотации, трилогии[98]. Оказывается «в середине третьего тысячелетия, когда в результате войн и естественной ассимиляции все нации и народности напрочь

перемешались, неожиданно вспыхнула повальная мода "восстанавливать" свою национальность, изучать "родные" язык и культуру.

Одну из самых сильных и фанатичных групп составили те, кто поклонялся всему русскому. Они называли себя "Новые славянофилы". И именно они настояли на создании этнического заповедника – места, где было максимально воссоздано все русское: архитектура, одежда, быт, язык... Сюда съехались историки, археологи, психологи, лингвисты, литературоведы и другие ученые, по тем или иным причинам имеющие интерес к русской культуре. А также съехалось огромное количество "диких" Новых славянофилов». Заповедник разместился на острове Мадагаскар. «Город Антананариву в Киев переименовали, поселенья мелкие – в Москву, Муром, Псков да прочую Рязань»[99]. К своему «острову» авторы относятся с большой симпатией и в то же время с изрядной долей иронии и грусти. Политические аллюзии «Острова Руси» легко узнаваемы:

«– Россияне! – крикнул Владимир, обращаясь к народу. ⟨...⟩ – В эту праздничную ночь, – продолжил князь, – пользуясь поводом, хочу поговорить с вами о жизни. Во-первых, в этом году мы разогнали советников, которые нам плохо советовали. Это уже праздник. Во-вторых, набрали новых советников, которые обещали советовать хорошо. ⟨...⟩

– Князь! – прорезался кто-то самый отважный. – Ты обещал в этом году выйти к народу и крикнуть: "Люб я вам али не люб?" Крикни!

– Крикни! – поддержала толпа.

Владимир помрачнел:

– Это очень трудный для меня вопрос. Я, конечно, обещал, но по здравому размышлению передумал. Не время сейчас кричать! Работать надо! Ура! Вина народу!»[100]

По собственному признанию авторов, основным материалом для создания «Острова Руси» было «академическое издание русских былин». Штудируя их, авторы сделали для себя выводы: «Оказалось, русский богатырь – не столь глобальная монолитная фигура, каким его представляют школьникам. Наоборот, врагов побеждают богатыри часто хитростью и обманом, с девицами красными, как правило, "венчаются" не в церкви, а "под ракитовым кустом", "зелено вино" потребляют немерено и т. д., и т. п...»[101] Таких «человечных» богатырей и рисуют авторы, и понятно, что не воссоздание истории, а создание новой литературной реальности, протест против бездум-

ной идеализации прошлого, стремление преодолеть исторический официоз и выразить свою гражданскую позицию было их литературной задачей.

А кроме того, в романе очень много литературной игры, в чем признаются и сами авторы[102]. Образ Древней Руси в книге Буркина и Лукьяненко строится не только на основании литературных, фольклорных и исторических источников, но также путем вплетения в повествование расхожих цитат из известных и любимых фильмов, такого как, например, фильм Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», сложившихся стереотипов, затверженных фраз и фактов из школьных учебников и т. д. Многие аллюзии «Острова» легко раскрываемы, многие прокомментированы авторами в примечаниях, одна из главных для повести – с тремя мушкетерами: «...убери параллель с "Тремя мушкетерами", и повесть рассыплется»[103]. Три мушкетера и д'Артаньян – это три богатыря и Иван-дурак, который к тому же оказывается негром с русской ментальностью. Под «боянами» угадывается писательская братия. Все это явно тяготеет к традиции А. и Б. Стругацких времен повести «Понедельник начинается в субботу». Связи с творчеством Стругацких не отрицают и сами авторы[104]. Признаком пост-перестроечного времени и своего рода продолжением и развитием идей поздних Стругацких у Буркина и Лукьяненко становится признание неизменности противостояния добра и зла[105]: Кощей-Манарбит опять остается на своем месте в ожидании своих новых победителей, «собака-князь» Владимир, несмотря на неблаговидные деяния, также продолжает занимать «киевский» стол, положительному герою Ивану-дураку, от которого уходит невеста, предложено за всем этим приглядывать. Утопия Буркина и Лукьяненко на глазах читателя потихоньку превращается в антиутопию.

* * *

Остановимся особо на произведениях детской литературы, являющих собой переработку древнерусских произведений. Наибольший «спрос» в этой части литературной продукции на средневековую агиографию. Бесчисленное множество детских книг на эту тему издается с благословения РПЦ в просветительских и назидательных целях. Вал подобной литературы настолько велик, что за ним невозможно уследить: сегодня книжные полки церковных лавок ломятся от целого сонма переработок агиографической литературы одних авторов и

издательств, через полгода не остается и следа от этого вороха произведений, им на смену появился следующий вал ярких (с картинками!) книжек-однодневок, изданных по благословлению того или другого церковного иерарха. Впрочем, там, вполне вероятно, могут встретиться и шедевры, но, видимо, пути наши разошлись. Интересно здесь следующее – наиболее востребованы перелагателями не только жития наиболее почитаемых святых (Сергия Радонежского, Бориса и Глеба, княгини Ольги и др.), но и те произведения древнерусской переводной и оригинальной житийной литературы, которые обладают занимательным сюжетом и которые зачастую (не знаем, подозревают ли об этом авторы-перелагатели) несут в себе традицию античных эпоса или романа. Так, книга Н. Сухининой «Место встречи Иерусалим» пересказывает для детей Житие Ксенофонта и Марии, построенное по схеме греческого романа приключений с его странствиями, испытаниями, разлуками, мнимыми смертями и воссоединением разлученного семейства в конце. Отличаются обилием приключений и неожиданными сюжетными поворотами жития весьма любимых и почитаемых на Руси святых, о которых повествуют современные авторы, – Николая Мирликийского[106], Георгия Победоносца[107], Параскевы Пятницы[108], Пантелеймона Целителя[109], Спиридона Тримифунтского[110]. Не менее увлекательно, к примеру, Житие Прокопия Устюжского, немецкого купца, ставшего русским юродивым[111], или Антония Римского, приплывшего в Новгород из Рима на камне[112], или знаменитая «Повесть от жития Петра и Февронии Муромских»[113].

Более всего «повезло» в современной детской литературе известнейшему в древности сюжету о старце Герасиме и льве. Новеллы на этот сюжет входили в Синайский патерик, рукописные и старопечатные Прологи, Лимонарь, в Великие Четии Минеи митрополита Макария и Четии Минеи Димитрия Ростовского. Как известно, сюжет этот вдохновил Н. С. Лескова на «легенду» «Лев старца Герасима»[114]. О сложности символического подтекста Повести об авве Герасиме и льве мы уже писали неоднократно[115]. За период 2004–2007 гг. только по нашим наблюдениям вышло три переложения указанного сюжета: Ковалева Л. «Святой Герасим и лев»; ⟨Без указания автора.⟩ «Преподобный Герасим и лев»; Сухинина Н. Е. «Святой Герасим и лев». Все три переложения, как это несложно установить по совпадающим деталям (описание работы монахов в обители, сон льва во время кражи осла и т. д.[116]), источником

своим имеют Четии Минеи Димитрия Ростовского. Скорее всего, это даже не труднодоступные старопечатные издания Миней Четиих, а более доступный их перевод на современный русский язык, неоднократно переизданный в наше время. Понятно, что все три переложения – не сакральные тексты, предназначенные для чтения в храме, это «душеполезное чтение» для детей, которое каждый из авторов разнообразит по-своему. Н. Е. Сухинина, например, считает своим долгом постоянно активизировать внимание читателя, непосредственно обращаясь к его жизненному опыту: «Родители охотно водят детей в зоопарк, а дети всегда идут туда с радостью. А раз вы были в зоопарке, то, конечно, видели там льва. Помните, какая прочная у него клетка? Иначе нельзя. Зверь хищный, страшный и силища у него небывалая. Лучше смотреть на него издали, через клетку...» Так начинает свой рассказ о Герасиме и льве Н. Е. Сухинина.

Авторы с той или иной степенью добросовестности пересказывают Димитрия Ростовского и выводят из своего повествования мораль, которая оказывается у всех разной. Л. Ковалева, видимо, восхищается дружбой льва и человека, заканчивающейся встречей «в небесных обителях», хотя вопрос о том, попадают ли животные в рай, имеют ли они бессмертную душу, – спорный. Многие отцы Церкви полагали, что душа у животного есть, но она, в отличие от человеческой души, не бессмертна.

Анонимный автор из Свято-Елизаветинского монастыря воспевает Божественную любовь, «в которой слиты воедино и человек, и зверь, и вся природа».

Н. Е. Сухинина делает акцент на терпении льва: «Вот ведь какое завидное терпение явил дикий зверь. Другой бы от досады изгрыз обидчиков, убежал бы в пустыню, а он – ждал. Смирялся. Терпел унижение. Оказывается, не только у людей можем мы учиться поступкам, но даже у животных».

Нельзя сказать, что все авторы грешат против истины. Средневековая Повесть необычайно многозначна, она несет в себе множество смыслов и предоставляет обширные возможности для истолкований, однако современные авторы используют самые очевидные аспекты текста, не затрагивают его глубинных символических, архаических пластов. Это замечание можно отнести практически ко всем произведениям, использующим древнерусскую агиографию. Как здесь не вспомнить книгу английского писателя К. С. Льюиса «Хроники Нарнии», где нашлось место и для символического под-

текста, и для изображения льва-Христа[117]. Можно вспомнить и «восточную легенду» Н. С. Лескова «Лев старца Герасима». Это, безусловно, не детское произведение, но это пример глубокого осмысления средневекового памятника, авторского прочтения древнего текста, а не безликий пересказ выигрышного сюжета, который пережил не один век в литературах разных стран и народов.

Еще одно произведение, которое так или иначе возникает на страницах детской литературы, – «Слово о полку Игореве». В книге Белякова Е. А., Федина С. Н., Фединой О. В. «Папины рассказки на каждый день»[118] содержится, например, адаптация этого великого и загадочного произведения древнерусской литературы, обращенная к достаточно юному читателю: книга «рассказок», по признанию авторов, адресована дошкольникам[119] и является «введением в мировую культуру для детей» (с. 3). Структура книги такова, что она предусматривает ежедневное чтение одной «истории», «все истории... разбиты на семь циклов: истории о высоком, античный, восточный, арабский, европейский, русский и фантастический. Каждый цикл привязан к дню недели» и т. д. (с. 3). Все тексты прошли «адаптацию» авторов. За редким исключением (например, «Дары феи» – сказка Шарля Перро) авторы и источники текстов не указываются, хотя книгу предваряет грозное предупреждение о неоспоримых правах вышеназванных авторов.

«Слово о полку Игореве» в адаптации Е. А. Белякова помещено в раздел «Русские сказки» (!), имеет название «Сказание о князе Игоре» (!) и подзаголовок «Былина» (!) (с. 303, 265). Е. А. Беляков представляет собственную версию похода князя Игоря в форме прозаического повествования с стихотворными вставками неизвестного переводчика «Слова» (или это перевод адаптатора?). Князь Игорь предстает в интерпретации Белякова чуть ли не былинным богатырем, примером для подражания. Для беседы с ребенком предлагается вопрос, следующий за текстом – хотел бы слушатель (предполагается, что текст читается родителем) походить на князя Игоря?

* * *

В результате нашего обзора можно увидеть, что́ именно привлекает современных авторов и их читателей в Древней Руси, как и из каких образов складывается представление о нашем прошлом в современной детской литературе.

Наиболее притягательными для авторов являются, как можно было увидеть, фигуры древнерусских князей, которые обычно стоят в центре повествования. Пожалуй, чаще других вспоминается Владимир Святой. Из эпох предпочтение отдается времени принятия христианства, хотя не остаются без внимания эпохи Ивана III, Ивана Грозного, Петра I и др. Не часто, но все же возникает на страницах современных произведений древнерусская литература – «Повесть временных лет», «Слово о погибели Русской земли», «Слово о полку Игореве» и др., как эпизодические лица встречаются древнерусские писатели – Нестор, митрополит Иларион, Даниил Заточник, князь Владимир Мономах, безымянный автор «Слова о погибели Русской земли» и др. Неизменно популярны оригинальные и переводные древнерусские жития, в которых прежде всего ценится занимательная фабула. В то же время современная «агиография» так же стремится к назидательности, как и древняя, только делает это более примитивно, поскольку художественная сторона и весь сложный символический подтекст древнего агиографического памятника, как правило, остаются без внимания.

Не забыты образы трех былинных богатырей – Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича, в разных функциях выступает фольклорная поэзия[120].

Чаще всего современный читатель имеет дело с произведениями, излагающими историю (а в большинстве своем – учебник истории[121]) в беллетризованной форме. Функция таких сочинений прежде всего просветительская. Подобные сочинения, если они сделаны на должном уровне, нужны, и, может быть, основным требованием здесь является верность историческим фактам и легкость изложения в сочетании с некоторой занимательностью.

Гораздо реже история, исторические образы и символы становятся основой новой литературной реальности. Таких трудов, по сути, принадлежащих собственно литературе, с нашей точки зрения, немного (пародия на «фэнтези» «Остров Русь» Ю. С. Буркина и С. В. Лукьяненко, роман-«фэнтези» «Ларец» Е. П. Чудиновой, некоторые другие). О том, каков уровень этой литературы по «гамбургскому счету», мы сейчас говорить не будем.

Как можно было увидеть, политические и религиозные убеждения авторов, отражающие разные тенденции и общественные устремления конца XX – начала XXI в., накладыва-

ют значительный отпечаток на трактовку тех или иных исторических образов, событий, эпох или произведений прошлого. Каждый читатель может найти здесь идеи по своему вкусу – от монархизма до марксизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Переиздания же современных авторов относительно редки. При такой ситуации купить или даже взять в библиотеке книгу, вышедшую год-два назад, не говоря уже о более длительном сроке, порой невозможно.

[2] Впрочем, оценка художественного уровня произведений впрямую не входит в нашу задачу, о которой чуть ниже.

[3] Для нашего обзора были привлечены произведения, вышедшие, как уже говорилось, преимущественно в России за последнее десятилетие. Для более полной картины мы привлекали также некоторые издания, вышедшие в Минске на русском языке и представленные на московском книжном рынке. В целом для настоящей работы мы просмотрели около 1500 наименований книг для детей, из которых и были отобраны произведения для рассмотрения в настоящей статье.

Отметим, что подавляющее большинство издательств не заботится о том, чтобы сообщить читателю какие-либо сведения об авторе, поэтому порой трудно с точностью определить, когда было написано то или иное произведение, имеем ли мы дело с переизданием и т. д. К тому же в настоящее время переиздается большое количество литературы, вышедшей в свет в конце XIX – начале XX в., хорошо, если издатели сообщают, что данная книга впервые была напечатана до революции, чаще всего никаких указаний нет, да еще если за дело берется современный редактор, тогда установить время создания произведения становится еще сложнее. Однако сам факт обращения к популярным изданиям рубежа XIX – XX веков тоже показателен и, наверное, может свидетельствовать о некоем сходстве массового сознания двух разных эпох.

[4] *Алеева Н.* Герои русской истории. М.: Белый город, 2000.

[5] *Ранчин А.М.* Борис и Глеб. М.: Белый город, 2000.

[6] *Нечаев А.Е.* Повесть о преподобном Сергии Радонежском. М.: Отчий дом, 2000.

[7] *Толстиков А.Я.* Государь всея Руси Иван III. М.: Белый город, 2005.

[8] *Крутогоров Ю.А.* Юрий Долгорукий. М.: Белый город, 1998.

[9] *Крутогоров Ю.А.* Петр I. М.: Белый город, 2000.

[10] Рассказы о православных святых / Под ред. В.М. Воскобойникова. СПб.: ООО «Золотой век», ТОО «Диамант», 1999.

[11] *Волков А.М.* «Царьградская пленница». М.: Терра-Кн. клуб: Уникум, 2003. Не очень понятно, когда была создана историческая повесть знаменитого автора «Волшебника Изумрудного города», однако, судя по предваряющей повесть справке, «Пленница» была опубликована только в 2003 г.

[12] *Чудинова Е.П.* Ларец. М.: Лепта Книга: Яуза: Эксмо, 2006.

[13] «Ведунья», «ведун» у Е.П. Чудиновой «не совсем то же самое, что и колдун, хотя звучит похоже. Колдун может сидеть над книгами и по ним

колдовать. А ведун берет свою силу у Природы» (*Чудинова Е.* Гардарика: историческая сказка. М.: Лепта Книга, 2007).

[14] *Ананич С.* Необыкновенное путешествие «полководца» Сеньки: Рассказ для детей о святом Илии Муромце. Минск: Изд-во Свято-Елисаветинского монастыря, 2005.

[15] *Шорохова Т.* Поход на Корсунь. М.: Отчий дом, 2005.

[16] *Малов В.И.* Царские книги. М.: Диалог, 2000.

[17] *Кузнецова Н.* Илья Муромец в XXI веке (сказочка) // Илья Муромец против супермена. М.: Фаворъ, 2003. С. 257–329.

[18] Там же. С. 31.

[19] *Больных А.Г.* Золотые крылья дракона. М.: ЭКСМО-пресс: АРМАДА, 1999.

[20] Наподобие книги А.В. Жвалевского (*Жвалевский А.В.* Порри Гаттер и Каменный Философ. М.: Время, 2003).

[21] *Кузнецова Н.* Илья Муромец в XXI веке (сказочка). С. 328.

[22] *Озерцова О.* Веснянка. М.: Логос, 2006.

[23] *Озерцова О.* Ступени, или другая сторона тайны. М.: Логос, 2006.

[24] *Буркин Ю.С., Лукьяненко С.В.* Остров Русь. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. С. 456.

[25] Там же. С. 455.

[26] С.В. Лукьяненко известен читателям прежде всего как плодовитый фантаст, автор нашумевших романов «Ночной Дозор» и «Дневной Дозор».

[27] *Ковалева Л.* Святой Герасим и лев. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004.

[28] *Скоробогатько Н.* Святой великомученик и Победоносец Георгий. Клин: Христианская жизнь, 2004.

[29] *Скоробогатько Н.* Преподобный Сергий Радонежский. Клин: Христианская жизнь, 2006.

[30] *Скоробогатько Н.* Святая Параскева Пятница. Клин: Христианская жизнь, 2007.

[31] *Скоробогатько Н.* Предивный чудотворец святитель Николай. Клин: Христианская жизнь, 2007.

[32] *Скоробогатько Н.* Святая благоверная княгиня Анна Кашинская. Клин: Христианская жизнь, 2007.

[33] *Сухинина Н.Е.* Место встречи Иерусалим. Яхрома: Изд-во Троицкого собора, 2007.

[34] *Сухинина Н.Е.* Прокопий Праведный. Яхрома: Изд-во Троицкого собора, 2007.

[35] *Сухинина Н.Е.* Святой Герасим и лев. Яхрома: Изд-во Троицкого собора, 2007.

[36] *Сухинина Н.Е.* Святой Нил Столобенский. Яхрома: Изд-во Троицкого собора, 2007.

[37] ⟨Без указания автора.⟩ Преподобный Герасим и лев. Минск: Изд-во Свято-Елисаветинского монастыря, 2006.

[38] *Ананич С.* Необыкновенное путешествие «полководца» Сеньки: Рассказ для детей о святом Илии Муромце; *Кузнецова Н.* «Илья Муромец в XXI веке»; практически тот же набор в пародии на «фэнтези» Ю.С. Буркина и С.В. Лукьяненко «Остров Русь».

[39] *Кузнецова Н.* Илья Муромец в XXI веке; *Каликинская Е.* Путешествие на Сказанщину, или Вслед за волшебным котом. М.: Лепта Книга, 2007.

[40] *Буркин Ю.С., Лукьяненко С.В.* Остров Русь.

[41] *Воскобойников В.М.* «Великий князь Владимир, равноапостольный святой» // Рассказы о православных святых. С. 175–193 (в аннотации к сборнику, к которому мы еще обратимся не раз, отмечено, что «произведения, включенные в эту книгу, получили специальную премию и почетные дипломы Всероссийских конкурсов на лучшие произведения для детей 1995–1996 гг.»); *Ефремов А.* Брат мой, князь мой. Повесть о Борисе и Глебе // Там же. С. 195–217; *Ранчин А.М.* Борис и Глеб; *Проказов Б.* Святой равноапостольный князь Владимир. Минск: Лучи Софии, 2005; *Махотин С.А.* Ярослав Мудрый. М.: Белый город, 2005; *Брусенцев И.* Князь Владимир. М.: Caseade Publishing, 2006; см. также: Князь Владимир. Приключенческая повесть по мотивам анимационного фильма / Переск. для детей И. Брусенцев, А. Яхнин. М.: Caseade Publishing, 2006; *Буркин Ю.С., Лукьяненко С.В.* Остров Русь; *Алеева Н.* «Герои русской истории» и др.

[42] *Крутогоров Ю.А.* Юрий Долгорукий; *Ранчин А.М.* Борис и Глеб; *Махотин С.А.* Ярослав Мудрый; *Чудинова Е.* «Гардарика» и др.

[43] *Ефремов А.* Брат мой, князь мой. Повесть о Борисе и Глебе; *Ранчин А.М.* Борис и Глеб; *Махотин С.А.* «Ярослав Мудрый» и др.

[44] *Перехвальская Е.* Божий человек Василий Блаженный // Рассказы о православных святых. С. 407–425; *Толстиков А.Я.* Государь всея Руси Иван III; *Чудинова Е.П.* Ларец.

[45] *Алеева Н.* Герои русской истории; *Крутогоров Ю.А.* Петр I.

[46] *Богданов А.П.* Святослав. М.: МНПП «Ангстрем», 1992.

[47] *Крутогоров Ю.А.* Юрий Долгорукий.

[48] *Беляков Е.А., Федин С.Н., Федина О.В.* Папины рассказки на каждый день. М.: Айрис-пресс: Рольф, 2001. С. 265–270.

[49] *Алеева Н.* Герои русской истории.

[50] *Аксенова А.* Добрая хозяйка земли Русской // Рассказы о православных святых. С. 157–173.

[51] *Воскобойников В.М.* Мудрость и меч. Святой благоверный князь Александр Невский // Там же. С. 273–297.

[52] *Воскобойников В.М.* Святой меч. Святой благоверный князь Довмонт Псковский // Там же. С. 299–319.

[53] *Воскобойников В.М.* Святой защитник. Жизнь и подвиги святого благоверного князя Дмитрия Донского // Там же. С. 361–385.

[54] *Воскобойников В.М.* Чудеса Антония Римлянина // Там же. С. 238–251.

[55] *Душенова Е.И.* И раскрываются небеса... Чудеса преподобных Сергия и Германа Валаамских. СПб.: Царское дело, 2004.

[56] *Перехвальская Е.* Преподобный Сергий Радонежский // Там же. С. 321–337; *Воскобойников В.М.* Святой защитник; *Скоробогатько Н.* Преподобный Сергий Радонежский.

[57] *Скоробогатько Н.* Святая благоверная княгиня Анна Кашинская.

[58] *Перехвальская Е.* Святые Петр и Феврония // Рассказы о православных святых. С. 253–271.

[59] *Борисова М.* Иди, Кирилл, на Белое озеро // Там же. С. 339–359.

[60] *Лазарь, монах.* Житие преподобного Кирилла Белого Новоезерского чудотворца. Рязань: Лоза, 2000.

[61] *Воскобойников В.М.* Светлый пастырь на заре. Митрополит Московский и всея Руси Макарий // Рассказы о православных святых. С. 387–405.

[62] *Перехвальская Е.* Божий человек Василий Блаженный // Там же. С. 407–425.

[63] *Сухинина Н.Е.* Прокопий Праведный.

[64] *Сухинина Н.Е.* Святой Нил Столобенский.

[65] *Воскобойников В.М.* Первая обитель. Нестор летописец и печерские старцы // Рассказы о православных святых. С. 219–237.

[66] *Махотин С.А.* Ярослав Мудрый.

[67] *Крутогоров Ю.А.* Юрий Долгорукий.

[68] *Озерцова О.* Веснянка.

[69] *Толстиков А.Я.* Государь всея Руси Иван III.

[70] *Крутогоров Ю.А.* Петр I.

[71] *Воскобойников В.М.* Великий князь Владимир, равноапостольный святой; *Ефремов А.* Брат мой, князь мой. Повесть о Борисе и Глебе; *Шорохова Т.* Поход на Корсунь; рассказ «Князь Владимир» в книге Алеевой Н. Герои русской истории; *Ранчин А.М.* Борис и Глеб; *Проказов Б.* Святой равноапостольный князь Владимир; *Махотин С.А.* Ярослав Мудрый; *Волков А.М.* Царьградская пленница; *Брусенцев И.* Князь Владимир; *Чудинова Е.* Гардарика. И др.

[72] *Озерцова О.* Веснянка; описания языческой Руси, борьбы между язычеством и христианством можно встретить во многих произведениях, посвященных эпохе начального христианства, см.: *Проказов Б.* Святой равноапостольный князь Владимир; *Аксенова А.* Добрая хозяйка земли Русской; *Чудинова Е.* Гардарика, и др.

[73] *Крутогоров Ю.А.* Юрий Долгорукий.

[74] *Толстиков А.Я.* Государь всея Руси Иван III; *Чудинова Е.П.* Ларец.

[75] *Воскобойников В.М.* Светлый пастырь на заре; рассказ «Иван Грозный» в книге *Алеевой Н.* Герои русской истории; *Малов В.И.* Царские книги.

[76] Рассказ «Петр Великий» в книге *Алеевой Н.* Герои русской истории; *Крутогоров Ю.А.* Петр I; *Чудинова Е.П.* Ларец.

[77] Ср.: «О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами, крутыми холми, высокыми дубравоми, чистыми польми, дивными звѣрьми, *различными* (курсив издателей. – *О. Г.*) птицами, бещислеными городы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными, и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси испольнена земля Руская, о прававѣрьная вѣра хрестияньская!» (Слово о погибели Русской земли // ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 130).

[78] Историческая лексика (жирный шрифт) и специальные синтаксические конструкции (курсив) выделены нами.

[79] Житие Сергия Радонежского // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 280.

[80] *Скоробогатько Н.* Преподобный Сергий Радонежский. С. 6.

[81] Житие Сергия Радонежского. С. 280.

[82] На наш взгляд, выражение не совсем удачное.

[83] *Перехвальская Е.* Преподобный Сергий Радонежский. С. 323.

[84] Трудно определить, что послужило источником для Е.П. Чудиновой, – исторические труды Н.М. Карамзина (т. 7, гл. 3), Н.И. Костомарова (Отд. 1, гл. 15) или непосредственно записки С. Герберштейна и ле-

тописи. Во всяком случае, линия Соломонии Сабуровой в романе строго следует источникам, правда, романистка отдала предпочтение версии о беременности Сабуровой накануне пострижения. Симпатии писательницы явно на стороне опальной жены князя Василия. Великий князь, таким образом, нарушил церковное таинство брака и вместе с этим и основы православного царства, в котором после Василия все цари оказывались незаконными. Мысль, отстаиваемая как противниками пострижения Соломонии в XVI в. (Вассиан Патрикеев, князь Семен Федорович Курбский и др.), так и историками Нового времени начиная с Н.М. Карамзина.

[85] *Беляков Е.А., Федин С.Н., Федина О.В.* Папины рассказки на каждый день.

[86] Эту же позицию применительно к детской литературе отстаивают и некоторые литературоведы: *Кравцова М.* Битвы героев в наших сердцах // Илья Муромец против супермена. М.: Фаворъ, 2003. С. 3–255; *Барская Н.А.* Наши дети и художественная литература. М.: Лепта, 2005.

[87] *Алеева Н.* Герои русской истории. С. 19–26.

[88] Выбор идеала и критериев выбора зачастую непредсказуем; так, идеальной правительницей, как ни странно, оказывается, например, у Н. Алеевой дочь Петра I императрица Елизавета Петровна (*Алеева Н.* Герои русской истории. С. 27–33).

[89] *Нечаев А.Е.* Повесть о преподобном Сергии Радонежском; *Толстой М.В.* Жизнь и чудеса святого Николая Чудотворца. М.: Серда-пресс: Путем зерна, 2000; цикл Н.Е. Сухининой, другие современные переложения агиографических памятников. Впрочем, слащавость современной православной литературы для детей вызывает резкую критику у самих православных литературоведов: *Гальперина А.* Православные ежики // Православие.ru. Как верно заметил в одном из своих романов С.В. Лукьяненко, «степень сусальности» в изображении Древней Руси зависит «от знания автором истории» – чем меньше знаний, тем больше «сусальности» (*Лукьяненко С.В.* Черновик. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 82).

[90] *Воскобойников В.М.* Великий князь Владимир, равноапостольный святой. С. 183.

[91] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 58–59.

[92] Там же. С. 187.

[93] Повесть временных лет. С. 81.

[94] *Озерцова О.* Веснянка. С. 6.

[95] *Чудинова Е.П.* Ларец. С. 535.

[96] Там же. С. 526–545.

[97] Там же. С. 26–30 и др.

[98] Относительно предполагаемой читательской аудитории авторы высказались следующим образом: «Если “Мама” (первая повесть трилогии, где главные герои – дети. – *О. Г.*) – повесть скорее подростковая, нежели взрослая, то “Остров” – наоборот» (*Буркин Ю.С., Лукьяненко С.В.* Остров Русь. С. 456), однако многие герои у них общие и, думается, подготовленная (исторически) подростковая аудитория с интересом читает трилогию целиком, а не откладывает книгу по прочтении первого произведения.

[99] *Буркин Ю.С., Лукьяненко С.В.* Остров Русь. С. 265.

[100] Там же. С. 285–286.

[101] *Буркин Ю.С., Лукьяненко С.В.* Остров Русь. С. 456.

[102] Там же.

[103] Там же. С. 457.

[104] Там же.

[105] Собственно, на этом же построена коллизия романов *С.В. Лукьяненко.* «Ночной Дозор», «Дневной Дозор», «Черновик», «Чистовик» и др.

[106] *Скоробогатько Н.* Предивный чудотворец святитель Николай.

[107] *Махотин С.* Юноша стройный на белом коне. Повествование о святом великомученике Георгии Победоносце // Рассказы о православных святых. С. 95–115; *Скоробогатько Н.* Святой великомученик и Победоносец Георгий.

[108] *Скоробогатько Н.* Святая Параскева Пятница.

[109] *Карпухина Ю.* Боголюбивый лекарь. Житие великомученика Пантелеймона в пересказе для детей. М.: Приход храма Святаго Духа сошествия, 2008.

[110] *Коломийченко Т.* Пастырь словесных овец. Житие святителя Спиридона Тримифунтского в пересказе для детей. М.: Приход храма Святаго Духа сошествия, 2008.

[111] *Сухинина Н.Е.* «Прокопий Праведный». Мотив иностранного («немецкого») происхождения юродивого первый раз упоминается отнюдь не в Житии Прокопия Устюжского, а в Житии Исидора Твердислова Ростовского, см. об этом: *Гладкова О.В.* Древнерусский святой, пришедший с Запада (о малоизученном Житии Исидора Твердислова Ростовского) // Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество. М., 2002. С. 167–210.

[112] *Воскобойников В.М.* Чудеса Антония Римлянина.

[113] *Перехвальская Е.* «Святые Петр и Феврония». Отметим точность повести Е. Перехвальской в интерпретации многих деталей и сюжетных ходов «Повести» Ермолая-Еразма: Перехвальская обращает внимание на совпадение имен братьев Петра и Павла с апостольскими именами, отрок, показывающий Петру «Агриков меч», – «сам ангел небесный» (с. 257). Совершенно верно трактуется болезнь Петра: «Но не хворь была ниспослана Петру, а новое, еще более трудное испытание. Возлюбил его Господь и решил, подвергнув тяжким испытаниям, привести Петра к моральному совершенству. Язвы, покрывшие Петра, – суть грехи человеческие, главным из которых оставалась гордыня. И излечиться от болезни он мог лишь осознав греховность своей гордыни, преодолев ее» (с. 259). Логично истолкование необходимости жениться на простолюдинке: «Ее (Февронии. – *О. Г.*) брак с ним – это не прихоть Февронии и не ее личное желание. Это непременное условие исцеления Петра, ибо избавиться от телесного недуга он может только исцелившись от недуга духовного – гордыни» (с. 262), дальнейшие события справедливо толкуются как испытания героев. Автор обращает внимание на особую роль Февронии в жизни Петра («Чрез тебя познал я истинную духовную жизнь» (с. 268), – говорит Петр Февронии), на смысл ее служения («Служение Февронии – в любви к Господу Богу, но проявилась эта любовь через любовь к ближнему» – с. 270), а самое главное, на особенности подвига муромских святых: «Святые Петр и Феврония дали пример идеальной семейной жизни, когда муж и жена превыше всего ставят христианский долг друг перед другом и через супружескую любовь достигают праведности. Они по-

казали миру, что и супружеская жизнь может быть подвигом, – они воплотили идею служения Господу через служение ближнему своему в простом, но многотрудном подвиге христианской любви к супругу» (с. 271). Вместе с тем, многое осталось за пределами повествования Перехвальской – «кисляждь» (хлебная закваска), необходимая для исцеления Петра (читай: Царство Небесное) – у Перехвальской Феврония варит «отвары из ста целебных трав», союз супругов, понимаемый как союз Христа и Церкви (подробнее см. об этом: *Гладкова О. В.* «Повесть от жития Петра и Февронии» Ермолая-Еразма // История древнерусской литературы. Аналитическое пособие. М., 2008. С. 372–396). Видимо, из-за детской аудитории опущен эпизод о человеке «в судне», которому Февронии пришлось объяснять, что «едино естество женско есть» (Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 219).

[114] См., например: *Гладкова О. В.* О славяно-русской агиографии. Очерки. М., 2008. С. 190–203.

[115] См., например: *Гладкова О. В.* Античность и средневековье в повести об авве Герасиме и льве из Синайского патерика // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2005. № 3 (21). С. 16–18; *Она же.* Об одной палестинской традиции в Жизнеописании преподобного Серафима Саровского (сюжет о прихождении медведя) // Макариевские чтения. Преподобный Серафим Саровский и русское старчество XIX в. Мат-лы 13 науч. конф., посвящ. Памяти Святителя Макария. Можайск, 2006. Вып. 13. С. 280–293; *Она же.* О славяно-русской агиографии. Очерки. С. 7–50.

[116] См. нашу сопоставительную таблицу: *Гладкова О. В.* О славяно-русской агиографии. Очерки. С. 194–195.

[117] В данном случае мы не хотим, конечно, сказать, что Льюис использовал легенду о Герасиме и льве.

[118] *Беляков Е. А., Федин С. Н., Федина О. В.* Папины рассказки на каждый день. С. 265–270.

[119] Правда, в аннотации возраст читателей указан иначе – «4–9 лет».

[120] Для создания образа (например, Веснянки у Ольги Озерцовой или ведуньи Параши у Е. П. Чудиновой), для воссоздания исторической обстановки (у Озерцовой), как основа для пародии (у Ю. С. Буркина и С. В. Лукьяненко) и т. д.

[121] Или воспоминания авторов об этом учебнике.